Подлежит ли Библия осуждению? Расследование того, подпадает ли Библия под постановление лорда Главного судьи в отношении непристойной литературы

Анни Безант

IS THE BIBLE INDICTABLE?

BY

ANNIE BESANT.

BEING AN ENQUIRY WHETHER THE BIBLE COMES WITHIN THE RULING OF THE LORD CHIEF JUSTICE AS TO OBSCENE LITERATURE.

LONDON:
FREETHOUGHT PUBLISHING COMPANY,
28, STONECUTTER STREET, E.C.

PRICE TWOPENCE.

Электронная книга проекта "Гутенберг" Подлежит ли обвинению Библия?

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Подлежит ли Библия обвинению?

Автор: Анни Безант

Дата выхода: 11 декабря 2011 [Электронная книга № 38273]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Керноу, Яной Срной и командой онлайн-корректоров по адресу http://www.pgdp.net (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ПОДЛЕЖИТ ЛИ ОБВИНЕНИЮ БИБЛИЯ? ***

Примечания переписчика:

Было приложено все усилия, чтобы воспроизвести этот текст как можно точнее, включая несоответствия в правописании и расстановке переносов.

Внесены некоторые исправления орфографии и пунктуации. В тексте они отмечены вот так. Исходный текст отображается при наведении курсора на выделенный текст. Список поправок приводится в конце текста.

МОЖНО ЛИ ОБВИНИТЬ БИБЛИЮ?

АВТОР: АННИ БЕЗАНТ.

ЭТО ВОПРОС О ТОМ, ПОДПАДАЕТ ЛИ БИБЛИЯ ПОД ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛОРДА ГЛАВНОГО СУДЬИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРИСТОЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЛОНДОН:
ИЗДАТЕЛЬСТВО FREETHOUGHT PUBLISHING COMPANY,
Стоункаттер-стрит, 28, E.C.

ЦЕНА ДВА ПЕНСА.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО АННИ БЕЗАНТ И ЧАРЛЬЗОМ БРЭДЛО,
СТОУНКАТТЕР-СТРИТ, 28, E.C.

МОЖНО ЛИ ОБВИНИТЬ БИБЛИЮ?

ЗАПРОС О ТОМ, ПОДПАДАЕТ ЛИ БИБЛИЯ ПОД ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛОРДА ГЛАВНОГО СУДЬИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРИСТОЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Решение сэра Александра Кокберна по последнему делу "Королева"*против* Брэдло и Безант, похоже, затрагивает более широкие вопросы, чем предполагал лорд-главный судья или чего может пожелать законный союзник Природы и Провидения. Вопрос о мотиве полностью отодвигается на второй план; самые чистые мотивы не имеют ценности, если передаваемая информация такова, что может быть использована в дурных целях злонамеренными и коррумпированными людьми. Этот взгляд на закон не будет применяться к дорогостоящим медицинским работам; при условии, что цена, установленная на книгу, будет такой, чтобы держать ее вне досягаемости “простых людей”, ее преподавание может быть совершенно аморальным, но не непристойным. Доктор Флитвуд Черчилль, например, не совершает наказуемого преступления, давая указания относительно самого простого способа сделать аборт; он не совершает мелкого правонарушения, хотя указывает средства, которые любая женщина могла бы получить и использовать для себя; он не ставит себя в рамки закона, хотя рекомендует практику абортов. во всех случаях, когда предыдущий опыт доказывает, что рождение живого ребенка невозможно. Ограничение численности населения, которое разрушает жизнь, таким образом, считается законным, возможно, потому, что уничтожение жизни - это ограничение, которое в значительной степени используется Природой и Провидением, и, таким образом, обеспечило бы одобрение генерального солиситора. Но настоящая причина, по которой доктора Черчилля не трогают, а доктора Ноултона атакуют, заключается в разнице в цене, по которой они публикуются по отдельности. Если бы доктор Ноултон был продан за 10,6 шиллинга, а доктор Черчилль - за 6 пенсов, то гнев юристов обрушился бы на защитника абортов, а не на преподавателя профилактики. Непристойность в значительной степени заключается в цене проданной книги. Вульгарный шестипенсовик непристойен, изящный полсоверен респектабелен. Бедные люди должны довольствоваться

тем, что остаются невежественными или покупают вредные шарлатанские трактаты, распространяемые тайно; более состоятельные люди, которым меньше нужны знания, должны быть защищены законом при покупке медицинских трудов, но если бедняки в острой нужде, найдя ”несомненного врача", готового помочь им, осмеливаются попросить его работу, написанную специально для них, закон наказывает тех, кто продает им здоровье и счастье. Они не должны жаловаться; Природа и Провидение поместили их в нищету и милостиво предусмотрели для них эффективные, хотя и болезненные проверки населения. Тот же элемент цены определяет приличность или непристойность фотографий. Картина, написанная маслом в натуральную величину, изображающая обнаженную человеческую фигуру, такую как Венера, раздевающаяся для принятия ванны, или Фрина перед своими судьями, или Персей и Андромеда, выставленная для высших слоев общества в галерее, за вход взимается шиллинг, является вполне приличным и респектабельным произведением искусства. Фотографии этих снимков, неокрашенные и уменьшенные в размере, являются публикациями непристойного содержания и изымаются полицией как таковые. Дешевизна, таким образом, является неотъемлемой частью непристойности.

Если книга дешевая, что делает ее непристойной? Лорд Кэмпбелл, защищая в парламенте Закон о борьбе с непристойной литературой, носящей его имя, очень четко изложил свой взгляд на то, что по закону должно быть непристойным произведением. Это должно быть произведение, “написанное с единственной целью развращения нравственности молодежи и по своей природе рассчитанное на то, чтобы шокировать чувства порядочности в любом хорошо уравновешенном уме” (Hansard, vol. 146, № 2, с. 329). Закон, по его словам, никогда не должен был применяться даже к произведениям, которые могли бы считаться аморальными и неприличными, таким как некоторые работы Драйдена, Конгрива или Рочестера. “Хранение, или чтение, или наслаждение подобными вещами должно быть предоставлено вкусу и не является предметом юридического вмешательства”; закон должен был вмешиваться только в тех случаях, когда мотивы продавца были плохими; “когда были люди, которые намеренно и усердно изготавливали книги и гравюры с намерением развратить общественную мораль, и когда они преуспевали в своей позорной цели, он считал, что законодательному органу необходимо вмешаться” (Hansard, vol. 146, № 4, с. 865).

Решение нынешнего лорда-главного судьи на последнем судебном процессе прямо противоречит точке зрения лорда Кэмпбелла. Шеф говорит: “Ноултон вдается в физиологические подробности, связанные с функциями зачатия и деторождения. Принципы этой брошюры с ее деталями можно найти в большем изобилии и отчетливости в многочисленных работах, на которые было обращено ваше внимание, и, имея перед собой эти детали, вы должны сами судить, есть ли в них что-либо, рассчитанное на возбуждение человеческих страстей и унижение общественной морали. Если это так, то любая медицинская работа может быть подвергнута такому же обвинению” (Судебный процесс, стр. 261). Затем лорд Главный судья ссылается на те самые книги, против которых, по словам лорда Кэмпбелла, он направлял свой Акт. “Существуют книги, ” говорит шеф, “ целью которых является возбуждение либидозных мыслей, и они предназначены для того, чтобы доставлять людям, получающим удовольствие от подобных вещей, нечистое удовлетворение, на которое рассчитано созерцание таких мыслей”. Если бы книга носила такой характер, это “заслуживало бы осуждения”, и пока все согласны с законом. Но сэр Александр Кокберн идет дальше, и вот в чем опасность его толкования закона: “Хотя намерение не является чрезмерным - донести это знание и удовлетворить похотливые и либидозные мысли, тем не менее, если его эффект

заключается в возбуждении и создании в сознании читателя мыслей о столь деморализующем персонаже, произведение открыто для осуждения, которого вы требуете от своих рук" (Судебное разбирательство, стр. 261). На какого читателя это повлияет? Предположим, человек похотливого склада ума покупает "Физиологию человека" доктора Карпентера и читает длинную главу, содержащую более 100 страниц, полностью посвященную подробному описанию поколения; результатом чтения будет "возбуждение и создание мыслей" о "деморализующем характере", о котором говорится. Согласно постановлению лорда-верховного судьи, книга доктора Карпентера должна была стать непристойной. Злой мотив переходит от покупателя к продавцу, а затем продавец наказывается за дурные намерения покупателя; заместительное наказание, по-видимому, перешло от церкви к суду. Не может быть никаких сомнений в том, что каждая медицинская книга теперь подпадает под категорию "непристойной литературы", поскольку все они могут быть прочитаны нечистыми людьми и безошибочно будут иметьэффект возбуждения похотливых мыслей; то, что они написаны с благой целью, что они написаны для лечения болезней, не является оправданием; мотив автора не должен приниматься во внимание; закон постановил, что книги, целью которых является передача физиологических знаний, и это не является чрезмерным, являются непристойными, если они случайно возбудили страсти читателя; "мы должны не слушайте аргументы о моральных обязательствах, вытекающих из каких-либо мотивов или из какого-либо желания принести пользу человечеству или сделать добро своему виду" (Судебное разбирательство, стр. 237). Единственная защита этих, в остальном непристойных, книг заключается в их цене; как правило, они стоят дорого, и поэтому в них отсутствует один существенный элемент непристойности. Ибо полезная книга, которую плохие люди делают вредной, должна быть дешевой, чтобы быть практически непристойной; она должна быть доступна бедным и ее "можно продавать на углах улиц и в книжных киосках каждому, у кого есть лишние шесть пенсов" (Испытание, стр. 261).

Новое постановление касается всех драматургов и писателей, на которых лорд Кэмпбелл и не думал нападать; никто не может сомневаться в том, что многие драмы Конгрива рассчитаны на возбуждение сексуальной страсти; они продаются по очень низкой цене, и у них даже нет защиты в виде передачи какой-либо полезной информации; они наиболее четко подпадают под постановление лорда Главного судьи; почему им должно быть разрешено свободное обращение? Стерн, Филдинг, Смоллетт, Свифт - все должны быть выброшены в мусорную яму вслед за Конгривом, Вичерли, Джонсоном; Драйден, конечно, без промедления следует за ними, и Спенсер со своей "Королевой фей" становится следующей жертвой. Шекспиру нельзя пощадить себя; в его произведениях не только разбросаны самые грубые пассажи, но и мотив некоторых из них прямо рассчитан на то, чтобы разжечь страсти; скольким юношеским любовным горячкам не отвечают "Ромео и Джульетта"; что же говорить о "Цимбелине", "Перикле" или "Тите Андронике"? Могут ли "Венера и Адонис" стремиться к чему-либо, кроме разжигания страсти? разве "Лукреция" не непристойна? И все же издание Шекспира Macmillan's Globe считается одной из самых замечательных издательских попыток, предпринятых этой выдающейся фирмой, чтобы передать английские шедевры в руки бедных. Что делать с Байроном в наше время? "Дон Жуан", несомненно, рассчитан на развращение, не говоря уже о других стихотворениях, таких как "Паризина". Что насчет Шелли с его "Ченчи"? Суинберн, конечно, должен быть немедленно сожжен. Каждое из этих великих имен теперь заклеймено как непристойное, и, согласно постановлению лорда Главного судьи, каждое из них должно быть осуждено. Предположим, кто-то должен последовать примеру Хетерингтона?

Предположим, что мы должны стать обвинителями, а не преследуемыми? Предположим, что мы должны заставить других разделить нашу тюрьму и должны подвергнуть самые уважаемые имена авторов тому же осуждению, которое обрушилось на нас? Почему мы должны проявлять к другим внимание, которого не было проявлено к нам? Если нам говорят, что мы не должны наносить удары, мы отвечаем: “Тогда оставьте *нас* в покое и просчитайте последствия, прежде чем снова прикоснетесь к нам”. Закон был провозглашен лордом-верховным судьей Англии; почему этот закон не является столь же обязательным для Макмиллана, как и для нас? Закон был сужен для того, чтобы опутать Свободомыслие: его сеть поймает и других рыб, или же порвется от напряжения и выпустит всех на свободу. Христиане желают издать два закона и слишком явно демонстрируют свои действия: один закон должен быть строгим и полностью применяться к вольнодумцам; обманутые христиане, которые продают даже Ноултона, должны быть ошеломлены властями и отпущены на свободу; но это еще не все. Ритуалисты распространяют книгу, в которой говорится, что Ноултон - сама чистота, и закон их не трогает; не выдается ордеров на их задержание; скрытый враг не оплачивает судебное преследование; ни один представитель закона короны не информирован против них. Почему это? потому что нападать на христиан - значит привлекать внимание к основам христианства; потому что нападать на “Священника, получающего отпущение грехов” - значит нападать на Моисея. Христианские стены сделаны из библейского стекла, и они боятся бросать камни, чтобы не разрушить свой собственный дом. Послушайте мистера Ридсдейла, брата Святого Креста: “Я удивляюсь, - говорит он, - почему бы кому-нибудь не встать в Палате лордов и не выдвинуть обвинение против Библии (особенно Левита) как аморальной книги”. В “Черч Таймс”, органе ритуалистов, есть письмо, которое звучит так: “Предположим, патриций и понтифик в древнем Риме с осторожностью и обдуманностью извлекли предложения из Священного Писания, отделили их от контекста, замалчивали общую природу и характер книги, а затем обвинили епископа и его духовенство о намеренной подготовке непристойной книги, чтобы заразить молодежь (с какой готовностью он мог бы сделать такие выдержки!), Что бы мы сказали о таких негодяях?” Таким образом, это щит духовенства; Библия сама по себе настолько непристойна, что христиане боятся преследовать священников, распространяющих непристойности.

Подпадает ли Библия под постановление лорда Главного судьи в отношении непристойной литературы? Безусловно, так оно и есть, и если оно преследуется как непристойная книга, то обязательно должно быть осуждено, если закон справедлив. Поэтому каждый христианин должен встать на нашу сторону и потребовать отмены нынешнего правила, ибо в соответствии с ним его собственная священная книга заклеймена как непристойная и может быть преследуема как таковая любым неверующим.

Во-первых, книга широко распространяется по низкой цене. Если бы распространение Библии было ограничено продажей за 10 шилл. 6долларов или гинею, она могла бы избежать отнесения к категории непристойной литературы в соответствии с нынешним постановлением. Но в его защиту нельзя ссылаться. Он продается по цене 8d. экземпляр, напечатанный на дешевой бумаге и в прочном переплете, для использования в школах; его раздают тысячами среди “простых людей”, о нравственности которых сейчас так тщательно заботятся в отношении книг; его дарят маленьким детям обоего пола, и им велят внимательно прочитать его. Это дошло до такой степени, что лорд Сандон, вице-президент Комитета Совета по образованию, фактически сказал нескольким тысячам детей, собравшихся вместе, прочитать Библию от начала до конца, и им было приказано не придираться. Элемент цены явно

противоречит Библии, если будет доказано, что в ней есть что-либо, по своей природе рассчитанное на то, чтобы наводить на нечистые мысли.

Что касается мотивов авторов, то нам нет нужды беспокоиться о них. Закон теперь гласит, что намерение - это ничто, и никакое желание творить добро не является оправданием непристойности (Судебное разбирательство, стр. 257).

Остается жизненно важный вопрос: вызывают ли некоторые из его отрывков возбуждающие и порождающие деморализующие мысли? (Испытание, стр. 261).

Трудность решения этого вопроса заключается в том, что многие цитаты, необходимые для доказательства того, что Библия подпадает под действие постановления лорда-верховного судьи, носят такой чрезвычайно грубый и отвратительный характер, что их действительно невозможно воспроизвести, не усилив зло, на которое они рассчитаны. Хотя я не вижу неприличия в простом изложении физиологических фактов, написанных для ознакомления людей, я вижу неприличие в грубых и неделикатных историях, чтение которых не может принести никакой пользы ни одному человеческому существу и не может иметь никакого эффекта, кроме развращения ума и внушения нечистых идей. Поэтому я отказываюсь пачкать свои страницы цитатами и довольствуюсь приведением ссылок, чтобы любой, кто желает использовать постановление лорда-верховного судьи для уничтожения Библии, мог увидеть, какая уверенность в успехе ожидает его, если правосудие восторжествует. Я не буду беспокоиться о простой грубости, такой как Быт. iv. 1, 17, 25; Быт. vi. 4; или Матф. i. 18-20, 25. Если бы была отмечена простая грубость выражений, моя задача была бы бесконечной. Но пусть будущий обвинитель прочтет следующие отрывки. Маленькому мальчику 8 или 10 лет вряд ли стало бы лучше, прочитав Быт. ix. 20-25; пьянство, непристойности и сквернословие в этих шести стихах, несомненно, рассчитаны на то, чтобы развратить разум мальчика. Учение Быт. xvi. 1-5 едва ли возвышает "простых людей”, видящих пример, поданный ”другом Божьим". Быт. xvii. 10-14 и 23-27 очень грубы. Улучшит ли Быт. xix. 4-9 молодую девушку, или это не навлечет на самые нечистые мысли, стих 5, посвященный идее, которая, безусловно, никогда не должна приходить в голову девушке? Та же глава, 30-38, вызывает отвращение; а Втор. ii. 9 и 19 подразумевает одобрение Богом противоестественного преступления. Незнание физиологии, которая, как считается, лучше всего подходит для девочек, было бы шоком, если бы при прямом чтении Библии дневная порция включала быт. xxv., 21-26. Быт. xxvi., 8 не является приятным, равно как и Быт. xxix., 21-35 и Быт. xxx. История Дины, Быт. xxxiv.; о Рувиме, Быт. xxxv., 22; об Онане, Быт. xxxviii., 8-10; об Иуде и Фамари, xxxviii., 13-26; о рождении детей Фамари, xxxviii., 27-30 - все они отвратительны по своей гнусности фразеологии. То, почему Библии должно быть позволено рассказывать историю Онана, кажется очень странным, а "праведность” Фамарь (ст. 26) заслуживает одобрения. Является ли эта мысль очищающим учением для “простых людей”? Я слышал, что историю Иосифа и жены Потифара, Быт. xxxix., 7-18, читали в церкви к явному дискомфорту некоторых прихожан и развлечению других, в то время как Иосиф спасается от искушения и оставляет свою одежду жене Потифара - эту картину часто можно увидеть в воскресных школах. Таким образом, двенадцать из пятидесяти глав Книги Бытия, несомненно, непристойны, и, если в Англии есть хоть какая-то справедливость, Книгу Бытия следует запретить. Переходим к Исходу. Пример i., 15-19 - это, конечно, неприлично. Я не имею дело с аморальным учением, или Божье благословение на ложь акушерок (20, 21) нуждалось бы в комментариях. Исх. iv., 24-26, очень грубо; так же как и Исх. xxii., 16, 17, 19. Левит груб повсюду, но особенно в главах v., 3; xii.; xv.; xviii., 6-23; xx., 10-21; xxii., 3-5. Испытание ревностью наиболее

отвратительно в "Оцепенении", ст. 12-29.Numb. xxv., 6-8 вряд ли можно назвать приятной историей для ребенка, равно как и история из Numb. xxxi., 17, 18. Втор. xxi., 10-14 не является чистым поучением для солдат. Deut. xxii., 13-21 чрезвычайно грубы; остальная часть главы также подпадает под действие постановления Вождя, как и другие главы. xxiii., 1, 10, 11; xxv., 11, 12; xxvii., 20, 22, 23; xxviii., 57. Вина книги Иисуса Навина заключается главным образом в ее чрезвычайной жестокости и кровожадности, но она также не вполне избежала обвинения в непристойности, в чем можно убедиться, обратившись к следующему отрывку: глава v., 2-8. "Судьи" иногда бывают очень грязными и совершенно непригодны для общего чтения, согласно позднему определению; Эхуд и Эглон, "Судьи", iii., 15-25, не вынесли бы чтения вслух, и история могла бы быть с таким же успехом рассказана приличным языком. Или возьмем ужасно отвратительную историю о левите и его наложнице (Судьи XIX), а затем рассудим, подходит ли книга, содержащая такие истории, для использования в школах. Книга доктора Карпентера может принести пользу в этом вопросе, потому что, при всей своей прямоте, она передает полезную информацию; но какую пользу — умственную, физическую или моральную — можно принести молодой девушке, прочитав Судей XIX.? И нанесенный вред усиливается тем фактом, что невежество, в котором содержатся девочки, окружает такую историю нездоровым интересом, поскольку она дает представление о том, что для них является великой тайной секса. История Руфи iii. 3-14 - это та история, которую мы не хотели бы видеть повторенной нашими дочерьми; ибо добродетель женщины, которая должна ждать, пока мужчина напьется, а затем пойти ночью одна и лечь у его ног, в наши дни считалась бы проблематичной. 1 Цар. ii. 22 и ст. 9 оба непристойны; так же как и 1 Цар. xviii. 25-27 и xxi. 4, 5. 1 Царств. xxv. 22, 34 отвратительно грубы, и в “священном” писании можно найти много подобных грубых отрывков. 2 Цар. vi. 14, 16, 20 немного излишне наводят на размышления, как и 2 Цар. x. 4. История о танцующем Давиде рассказана в 1 Паралипоменон. xv. 27-29 без чего-либо оскорбительного в тоне. История Давида и Вирсавии слишком хорошо известна, и, как рассказано во 2 Царств. xi. 2-13, она гораздо больше рассчитана на разжигание страстей, чем что-либо в Ноултоне. Пророчество во 2 Царств. xii. 11, 12, исполненное в xvi. 21, 22, крайне отвратительно, особенно когда нам говорят, что постыдный совет был дан Ахитофелом, чей совет, “который он давал в те дни, был подобен совету человека, вопрошавшего у оракула Божьего”. Если Божьи оракулы дают такие советы, то чем меньше к ним прибегают, тем лучше для благополучия государства. Далее нам рассказывают одиозную историю Амнона и Фамарь (2 Цар. xiii. 1-22), поучительную для совместного чтения мальчиками и девочками лорда Сандона, когда они читают Библию от начала до конца. 1 Царств i. 1-4 передает идею, более достойную Георга IV. чем человека по сердцу самого Бога. В 1 Царств xiv. 10 грубость непростительна, а стих 24 слишком понятен после Судей xix. 2 Царств ix. 8, xviii. 27 полностью библейские по своей деликатности. 1-я Паралипоменон, XIX. В 4 повторяется неприятная история из 2 Цар. x. 4; но и 1-я, и 2-я Паралипоменон для Библии удивительно свободны от грубостей и являются большим улучшением по сравнению с книгами Царств и Самуила. Такой же похвалы заслуживают Ездра и Неемия. Тон рассказа об Эстер во всем несколько чувственный: пьяный царь приказывает Вашти войти и показать свою красоту, Эстер i. 11; "поиски юных дев", Эстер ii. 2-4; "испытание и выбор", Эстер ii. 12-17, это едва ли возвышающее чтение; Эстер vii. 8 также груба. Для девушки, чья безопасность в ее невежестве, Книга Иова iii. 11 очень проста. Псалом xxxviii. 5-7 дает точное описание определенного класса заболеваний. Притчи v. 17-20 - хороший совет, но он был бы осужден лордом-верховным судьей; Притчи vi. 24-32 носят тот же характер, что и Притчи vii. 5-23. Генеральный солиситор осудил бы упоминание в Экклезиасте xi. 5 как неуместное.

"Песнь песней Соломона" - это брачная песнь чувственного и роскошного характера: сопоставьте с ней Ноултон, а затем судите, который больше всего рассчитан на разжигание страстей. Почти невозможно выбрать, где все носит столь экстремальный характер, но возьмем i. 2, 13; ii. 4-6, 17; iii. 1, 4; iv. 5, 6, 11; v. 2-4, 8, 14-16; vii. 2, 3, 6-10, 12; viii. 1-3, 8-10. Может ли какой-либо язык быть более заманчивым, более соблазнительным, более возбуждающим страсть, чем томная, текучая, “долго растягивающаяся сладость единения” этой восточной брачной оды? Это не вульгарно грубое и оскорбительное стихотворение, как большая часть Библии, но, согласно постановлению лорда Главного судьи, это очень непристойное стихотворение. Можно добавить, что в дополнение к аллюзиям и описаниям, которые лежат на поверхности, существует множество предположений, не столь очевидных, но которые полностью открыты для всех, кто хоть что-то знает о восточной образности.

После Песни Песней Соломона обратиться к пророкам - это шок; это все равно что окунуться в холодную воду после пребывания в теплице. К сожалению, в более бодрящей атмосфере мы обнаруживаем, что старая жестокость снова начинает отталкивать нас, а грубое осуждение шокирует нас, как в книге Исайи iii. 17. Как бы лорд-главный судья поступил с Исайей, если бы он жил в его время и действовал так, как записано в Исайе xx, 2-4? Он явно поместил бы его в сумасшедший дом (Судебный процесс, стр. 168). Если бы не было так много отрывков похуже, можно было бы пожаловаться на вкус, проявленный при сравнении Исаии xxvi. 17, 18; то же самое можно сказать и об Исаии xxxii. 11, 12. В Книге Пророка Исайи xxxvi. 12 мы встречаем повторение 2 Царств xviii. 27, от которого мы вполне могли бы отказаться. В книге пророка Исайи lvii. 8, 9 мы встречаем любимое сравнение еврейских пророков, в котором Бог сравнивается с мужем, а народ - с неверной женой, и отношения между ними описываются с подробностью, которая может быть уместно обозначена только любимым словом генерального прокурора. Книга Пророка Исайи lxvi. 7-12 в обычной книге показалась бы несколько грубой. С течением времени пророки становятся все хуже. Иеремия i. 5 - это первый стих, который мы встречаем у Иеремии, против которого генеральный солиситор возразил бы. Далее мы встречаем сравнение брака в Иеремии ii., 20, iii. 1-3, 6-9, стих 9 особенно оскорбителен. Иер. ст. 7, 8 груб, как иер. xi. 15 и xiii. 26, 27. Должны ли школы для девочек читать Иер. xx. 17, 18? Но, возможно, поскольку грядет Иезекииль, было бы чересчур критично возражать Иеремии. Плач, главы 8, 9, возмутительны, а в стихе 17 той же главы используется чрезвычайно грубое сравнение. Иезекииль - пророк, который съел маленькую книжечку и обнаружил, что она ему не нравится: кажется, жаль, что он не съел большую часть своей собственной, и таким образом предотвратил отравление ею других людей. Что может быть отвратительнее, чем Иез. iv. 12-15? вся глава абсурдна, но эти стихи отвратительны. "Пророк", похоже, подобно составителям обвинительного акта против нас, получает удовольствие от нагромождения неудобных терминов, как в Иез. vi. 9. Теперь мы подходим к главе, которая непристойна от начала до конца и, я думаю, может почти претендовать на пальму первенства по мерзости. Пусть любой прочтет Иез. xvi, особо выделяя стихи 4-9, 15-17, 25, 26, 33, 34, 37, 39, а затем подумайте об абсурдности судебного преследования Ноултона за развращение нравственности молодежи, которой в руки попала эта книга Иезекииля. После этого Из. xviii. 6, 11 и 15 кажутся вполне целомудренными и деликатными; и никто не мог возразить против Из. xxii. 9-11. Из. xxiii. это почти так же плохо, как глава XVI., особенно стихи 6-9, 14-21, 29, 41-44. Конечно, если какая-либо книга подлежит обвинению в непристойности, Библия должна быть первой, кто подвергнется судебному преследованию.Я не знаю ни одной другой книги, в которой можно было бы найти такую совершенно неискупленную грубость. Остальная часть книги Иезекииля только кровожадна и

жестока, поэтому, к счастью, может быть оставлена без дальнейших комментариев. Даниила можно оставить незамеченным; и теперь мы переходим к Осии, пророку, мораль которого была, мягко говоря, своеобразной. “Началом слова Господня через Осию” было повеление Господа относительно его брака, изложенное в Осии i. 2; затем в оставшейся части главы мы слышим о его детях от упомянутой жены, а в следующей главе, Осии ii. 2, нам говорят, что эта женщина не является его женой, а в стихах 2-13 мы имеем крайне неприличную речь Осии о проступках несчастного создания, на котором он женился, в стихе 4 он жалуется на тот самый факт, что Бог повелел в главе i. 2. Осия iii . 1-3 повествует о другом непристойном поступке Осии и его покупке другой любовницы; улучшается ли нравственность девочек от созерцания таких божественных заповедей - это вопрос, который вполне можно задать лорду Сандону, прежде чем он в следующий раз раздаст Библии маленьким детям обоего пола. Упомянутые девушки, несомненно, должны, изучая Осию iv. 10-18, удивляться тому, что Бог выражает свое намерение не наказывать за нечистоту в стихе 14. Читая Осию, невозможно избежать преобладающего тона непристойности; главы v. 3, 4, 7; vi. 9, 10; vii. 4; viii. 9; ix. 1, 10, 11, 14, 16; xii. 3; xiii. 13, в каждом из них содержится мысль, которую все должны расценивать как грубую, и которая четко подпадает под постановление лорда Главного судьи относительно непристойности; в Книге Осии едва ли найдется хоть одна глава, в которой с оскорбительным повторением не говорилось бы о самой грубой форме правонарушения, на которую способны женщины. Иоиль iii. 3 вызывает возражения в сравнительно небольшой степени. Амос, хотя иногда и груб, избегает грубых высказываний Осии, как и Обадия и Иона. Михей i. 7, 8, 11 вряд ли был бы принят сэром Хардингом Гиффардом, и он не одобрил бы Михея iv. 9, 10. Наума iii. 4-6 - это почти Полив из шланга, и Аввакум ii. 5, 16 подходит к этому вплотную. Остальные четыре пророка иногда грубы, но в них нет ничего похожего на мерзости других, и мы закрываем Ветхий Завет со вздохом облегчения.

В Новом Завете нет ничего, даже отдаленно напоминающего непристойность Ветхого, за исключением двух отрывков из Откровения. История Марии и Иосифа несколько груба, особенно в том виде, в каком она рассказана в Матфея. i. 18-25. Рим. i. 24-27 явно непристойна, а 1 Кор. v. 1, vi. 9, 15, 16, 18 были бы сочтены неделикатными генеральным солиситором Ее Величества, который возражал против предостережений Ноултона против сексуального греха. Все из 1 Кор. vii. можно подумать, что это рассчитано на возбуждение страстей, но остальные Послания Павла могут пройти мимо, несмотря на множество грубых отрывков, таких как 1 Фес. iv. 3-7. Евр. xiii. 4 и 2 Петра ii. 10-18 оба относятся к одной категории, но бесполезно останавливаться на простой грубости. Откровение соскальзывает в старую пророческую непристойность; Откр. ii. 20-22 и xvii. 1-4 почти достойны Иезекииля.

Может ли кто-нибудь прочесть все эти отрывки и усомниться в том, что Библия — при условии, что она не защищена законом, — подлежит обвинению как непристойная книга по решению лорда Главного судьи? Бесполезно утверждать, что авторы не одобряют злые дела, которые они описывают, и что только в двух или трех случаях Бог, по-видимому, одобряет грех; никакая чистотамотивов авторов не может быть допущена в качестве оправдания (Судебное разбирательство, стр. 257). Эти чувственные истории и непристойные притчи попадают под прямое порицание лорда Главного судьи, и я призываю наши полицейские власти проявить свое чувство справедливости, привлекая к ответственности людей, распространяющих эту обвинительную книгу, тем самым делая все, что в ней содержится, для того, чтобы опорочить и развратить нравственность молодежи. Если они этого не сделают, то из соображений приличия они должны прекратить уголовное преследование против нас за продажу “Плодов философии”.

Правильным способом было бы не привлекать к ответственности ни одну из этих книг. Все, что я намеревался сделать, привлекая внимание к “непристойным” отрывкам в Библии, это показать, что обсуждение сексуальных отношений с хорошим объектом — как, предположительно, говорится в Библии — не должно быть наказуемым проступком. Я не настаиваю на том, чтобы Библия подвергалась судебному преследованию: я настаиваю на том, чтобы она подлежала обвинению в соответствии с нынешним постановлением; и я утверждаю, далее, что сам этот факт показывает, насколько нынешнее постановление направлено против общественного блага. Ничто не может быть более прискорбным, чем иметь большой урожай судебных преследований против стандартных авторов старых времен и наших дней, и все же это то, что, вероятно, произойдет, если не будет положен какой-то конец глупому и злонамеренному судебному преследованию против нас самих. Пресса страны в один голос — исключая англичанина — осудила “глупый” вердикт и “мстительный” приговор. Когда этот приговор будет приведен в исполнение, начнется настоящая битва, и вина за потери и неприятности, которые последуют за этим, должна лечь на тех, кто начал это судебное преследование, и на тех, кто прикрывает скрытого обвинителя. Христиане, по крайней мере, должны присоединиться к нам в отмене решения лорда-верховного судьи, поскольку их собственная священная книга - одна из тех, на которые легче всего напасть. Чистота, которая зависит от невежества, - хрупкая чистота; целомудрие, которое зависит от невежества, - хрупкое целомудрие; подкреплять невежество тюрьмой и штрафом - фатальная политика; и я призываю тех, кто любит свободу и стремится к знаниям, присоединиться к нам в отмене статутом нового закона, принятого судьей.

Примечание переписчика:

Ниже приведен список исправлений, внесенных в оригинал. Первый отрывок является оригинальным, второй - исправленным.

- Страница 5:
  эффект возбуждения похотливых мыслей; что они написаны
  эффект возбуждения похотливых мыслей; что они написаны
- Страница 12:
  Иер. xi. 15 и xiii. 26, 27. Должны ли школы для девочек читать
  Иер. xi. 15 и xiii. 26, 27. Должны ли школы для девочек читать
- Страница 12:
  грубое сравнение. Иезекииль - пророк, который съел маленькую книжку
  грубое сравнение. Иезекииль - пророк, который съел маленькую книжку
- Страница 15:
  закон, принятый новым судьей
  закон, принятый новым судьей.